

На правах рукописи

ОСТРОВСКИЙ

Александр Сергеевич

ДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Специальность 12.00.09 - уголовный процесс, криминалистика и судебная
экспертиза; оперативно-розыскная деятельность

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва 2006

Работа выполнена на кафедре «Уголовное право, процесс и криминалистика» Московского государственного университета приборостроения и информатики

Научный руководитель: **Белкин Анатолий Рафаилович**
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: _____

Ведущая организация: _____

Защита состоится «28» декабря 2006 г. в 9 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.166.16 при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского по адресу: г. Н. Новгород, ул. Ашхабадская, 4

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Автореферат разослан «27» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л.П. Ижнина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В отличие от Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР), предусматривавшего в числе первоочередных задач уголовного судопроизводства быстрое и полное раскрытие преступлений и изобличение виновных (ст. 2 УПК РСФСР), новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ) связывает назначение уголовного процесса с защитой прав человека (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Являясь одним из основных конституционных прав человека и гражданина, право на неприкосновенность частной жизни в то же время является и наиболее уязвимым в уголовном судопроизводстве. Вся деятельность осуществляющих и направляющих уголовный процесс органов и должностных лиц, по существу, направлена на проникновение в сферу частной жизни и ее пристальное изучение, что вызывает острую потребность в правовых механизмах защиты ее неприкосновенности.

На современном этапе реформирования российской правоохранительной системы с целью обеспечения надлежащей защиты личности от преступных посягательств, ее прав и свобод как высшей ценности общества и государства, с особой остротой встает вопрос о действенном механизме реализации в уголовном судопроизводстве международно-правовых и конституционных принципов, вообще, и принципа неприкосновенности частной жизни, в частности.

Конституционный принцип неприкосновенности частной жизни является новым для отечественной системы права. История нашего государства свидетельствует, что проблема обеспечения неприкосновенности частной жизни лица в нашей стране никогда не была доминирующей. Традиционно в России, особенно в период советской власти,

государственные интересы, в сравнении с частными интересами отдельно взятых граждан были приоритетными.

Конституционное право на неприкосновенность частной жизни сформировалось недавно, до принятия Конституции Российской Федерации 1993г. (далее – Конституция РФ) законодательство России защищало лишь отдельные его элементы.

Несмотря на то, что основной концептуальной идеей нового УПК РФ является защита прав и законных интересов человека, он содержит мало норм, направленных непосредственно на охрану частной жизни граждан. Среди актуальных пробелов законодательства можно отметить то, что УПК РФ не выделяет неприкосновенность частной жизни участников уголовного процесса в качестве самостоятельного принципа, нечетко регламентирует основания и пределы ее ограничения, не устанавливает достаточных гарантий для обеспечения данного конституционного права граждан. Более того, несмотря на прямое требование Конституции РФ (ст.ст. 23, 24) и норм международного права, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует само понятие частной жизни. Между тем, частная жизнь для конкретного человека является исключительно важной сферой жизнедеятельности.

Указанные обстоятельства определяют актуальность теоретической разработки вопросов, связанных с углубленным анализом проблем реализации принципа неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе, так как от их разрешения зависит совершенствование правовой регламентации и практики уголовного судопроизводства, что, в конечном счете, способствует построению в России правового государства.

Степень научной разработанности. Анализ степени научной разработанности темы настоящего исследования позволяет отметить, что, несмотря на молодость института неприкосновенности частной жизни в отечественном законодательстве, в теории уголовного процесса, а также

других юридических дисциплин эта тема неоднократно становилась предметом дискуссий при рассмотрении самых различных вопросов, связанных с правовым статусом личности.

В частности, исследованию общих вопросов правовой реализации конституционных прав граждан в Российской Федерации, в том числе и в уголовном процессе, посвящены работы таких авторов, как С.С. Алексеев, Н.И. Архипова, В.К. Бабаев, Б.Т. Безлепкин, Н.В. Витрук, Л.Д. Воеводин, В.М. Волженкина, И.С. Кон, В.В. Копейчиков, Б.С. Крылов, Э.Ф. Куцова, В.А. Кучинский, В.А. Лазарева, А.М. Ларин, Е.А. Лукашева, В.Я. Любашиц, В.В. Мамонов, Н.И. Матузов, Г. Мухнев, Т.Н. Нуркаева, И.Л. Петрухин, Л.П. Рассказов, И.В. Ростовщиков, В.М. Савицкий, М.С. Строгович, Ю.А. Тихомиров, Б.В.П. Тугаринов, В.И. Шабайлов, В.М. Чхиквадзе и др.

Среди исследований последних лет необходимо выделить работы, посвященные проблемам неприкосновенности частной жизни в конституционном праве. Это монографические и диссертационные исследования О.Е. Кутафина, Г.Б. Романовского, О.Г. Селиховой, Ю.И. Стецовского и др., послужившие нам в качестве теоретической основы изучения конституционной стороны вопроса. К сожалению, в данных трудах не затрагивается уголовно-правовой аспект частной неприкосновенности.

В последние годы также появилось достаточно много работ, посвященных отдельным вопросам неприкосновенности частной жизни. Так, вопросам правовой охраны личной и семейной тайны посвящены исследования И.Л. Петрухина, Н.Г. Лопухиной, И.В. Смольковой и др. Нравственно-этическим проблемам в уголовном судопроизводстве, в том числе и проблеме защиты личной и семейной тайны, чести и доброго имени, посвящены работы таких авторов, как И.А. Антонов, Н.А. Комарова, Н.И. Кулагин, Н.А. Сидорова, Т.Н. Москалькова и др. Однако неприкосновенность частной жизни не сводима к таким узким аспектам, как личная и семейная тайна или честь, достоинство и доброе имя.

Следовательно, эти работы также не могут охватить всех вопросов настоящего исследования.

Принцип объективности изложения требует также отметить и еще одну группу работ, рассматривающих в качестве объекта исследования защиту неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве. К наиболее полным и комплексным работам по исследуемой теме можно, на наш взгляд, отнести диссертационные исследования Н.Н. Волошкиной (2000 г.), С.Н. Гонтарь (2005 г.), Н.А. Карпуниной (2004 г.), В.А. Куликова (2001 г.), Д.К. Стригалева (2002 г.). В перечисленных работах проблемы реализации неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве рассматриваются достаточно объемно, однако это не означает, что они решают все теоретические проблемы в обозначенной сфере.

Молодость и несформированность данного правового института в отечественном праве, отсутствие многолетних теоретических исследований и юридических традиций являются причиной того, что неприкосновенность частной жизни является на сегодняшний день одним из наименее разработанных вопросов уголовно-процессуального права. Об этом свидетельствует отсутствие единого толкования таких базовых понятий, как частная жизнь, неприкосновенность частной жизни, право на частную неприкосновенность, принцип неприкосновенности и др.; отсутствует единое понимание правового содержания этих дефиниций.

Вышеуказанные проблемы определили выбор темы настоящего исследования. Конечно, несмотря на принцип комплексности, оно также не способно решить всех имеющихся проблем в названной сфере, однако актуальность, практическая необходимость и своевременность такого исследования представляется нам очевидной.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие

право участников уголовно-процессуальных правоотношений на неприкосновенность частной жизни.

Предметом исследования является эффективность действующих уголовно-процессуальных норм, определяющих правовой статус участников уголовного судопроизводства в сфере защиты неприкосновенности частной жизни, а также практика реализации этих норм в деятельности правоохранительных органов.

Цель и задачи исследования. Основной **целью** диссертационного исследования является изучение исторического, международно-правового, отечественного законодательного опыта реализации принципа неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе, а также проблем правоприменительной практики; разработка на этой основе теоретических аспектов исследуемой сферы; а также подготовка комплекса рекомендаций по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Эта цель конкретизируется в решении следующих **задач**:

- раскрыть понятие и сущность конституционного права на неприкосновенность частной жизни;
- изучить исторический аспект реализации неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве;
- проанализировать неприкосновенность частной жизни в соотношении с другими принципами уголовного процесса;
- исследовать процессуально-правовые средства обеспечения частной неприкосновенности на стадии досудебного производства;
- обратить особое внимание на механизмы реализации исследуемого права при производстве следственных действий и применении мер процессуального принуждения;
- уделить внимание проблемам судебного контроля и прокурорского надзора на стадии предварительного расследования;

- определить гарантии защиты неприкосновенности частной жизни в ходе судебного производства;
- разработать рекомендации по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в исследуемой сфере.

Методология и методика исследования. Методологической основой работы является диалектический метод. В работе также широко использовались общенаучные методы познания: логико-исторический, сравнительно-правовой, формально-логический, системный, социологический, статистический, метод нормативного моделирования и другие методы.

Исследование основывается на изучении действующего и утратившего силу законодательства России, законодательства зарубежных государств, международного права, научных трудов как отечественных, так и зарубежных ученых, новейших публикаций в периодической печати, детального анализа следственной, прокурорской и судебной практики.

Эмпирическая база исследования. В ходе исследования были изучены материалы 186 уголовных дел, находившихся в производстве следователей органов внутренних дел и прокуратур г. Москвы и Московской области в период с 2003 по 2005 гг. В исследовании особое внимание уделялось реализации принципа неприкосновенности частной жизни при производстве отдельных следственных действий и применении мер процессуального принуждения.

Ряд предложений рекомендательного плана был проверен результатами анкетирования следователей ОВД и прокуратур г. Москвы, проведенного нами в сентябре 2005 г. (всего было опрошено 158 человек), а также телефонного опроса судей г. Москвы (в опросе приняли участие 47 человек).

Достоверность и обоснованность выводов обеспечивается глубоким изучением научных исследований по данной теме, уголовных дел и практической работы правоохранительных органов. Она подтверждается тем,

что, во-первых, при применении различных методов исследования нами были получены сходные результаты; во-вторых, полученные эмпирические данные при сопоставлении с данными других авторов обнаруживают схожие закономерности.

Научная новизна исследования состоит в том, что оно представляет собой одно из первых комплексных научных исследований уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего реализацию конституционного принципа неприкосновенности частной жизни.

Научная новизна исследования нашла свое воплощение в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. На основании теоретических исследований, международно-правового опыта и положений отечественного законодательства мы предлагаем следующий ряд разработанных нами дефиниций:

- частная жизнь – не подконтрольная государству и обществу жизнедеятельность индивида в сфере семейных, бытовых, личных, интимных отношений, затрагивающая интересы его самого и (или) ограниченного круга лиц; информация об этой жизнедеятельности, а также свобода в полной мере пользоваться совокупностью всех прав и благ, предоставляемых индивиду государством (обществом), не нарушая при этом прав других лиц.

- неприкосновенность частной жизни – элемент неприкосновенности как части правового статуса личности (наряду с неприкосновенностью личности и жилища), обеспечивающий гарантированную государством защиту сферы частной жизни от незаконного и произвольного вмешательства со стороны государства и третьих лиц.

2. Право на неприкосновенность частной жизни мы предлагаем рассматривать в трех аспектах:

1) как конституционный принцип, устанавливающий запрет на незаконное (не установленное законом) или произвольное (необоснованное) вмешательство в сферу частной жизни граждан, и являющийся общим при

конструировании норм Конституции РФ, касающихся всех прав и свобод человека и гражданина;

2) как личное, естественное, неотъемлемое и неотчуждаемое право лица на: свободу поведения, передвижения, общения, уединения; личную и семейную тайну; защиту своей чести и доброго имени; на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; профессиональную тайну; на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы; на неприкосновенность жилища;

3) как правовой институт, представляющий собой комплекс норм различных отраслей права, регулирующих качественно особый вид конституционно-правовых отношений между личностью, с одной стороны, государством и обществом в виде должностных либо третьих лиц, с другой стороны, в сфере обеспечения неприкосновенности частной жизни лица.

3. Международная правовая практика выделяет два обязательных условия ограничения неприкосновенности частной жизни со стороны государства: законность, означающую, что порядок вмешательства в сферу в частной жизни должен быть установлен законом, и обоснованность, означающую, что основания для такого вмешательства также должны быть установлены на законодательном уровне.

4. Исследование неприкосновенности частной жизни в системе принципов уголовного процесса показало, что, несмотря на отсутствие его самостоятельного закрепления в действующем УПК РФ, он соответствует всем требованиям, предъявляемым к принципам уголовного процесса. Полагаем, что принцип неприкосновенности частной жизни должен быть закреплён в главе 2 УПК РФ в виде самостоятельной статьи.

5. Исследование норм УПК РФ позволило объединить процессуальные гарантии неприкосновенности частной жизни при производстве следственных действий в три группы: общие гарантии, регламентирующие

порядок производства всех следственных действий (ст.ст. 164, 166 УПК РФ и др.); гарантии, установленные для группы следственных действий или группы процессуальных участников (ст.ст. 157, 165, 170 УПК РФ и др.); порядок производства отдельных следственных действий.

6. Предлагаем классифицировать субъектов права на неприкосновенность частной жизни в уголовном судопроизводстве не в зависимости от процессуальной функции, а в зависимости от функции, выполняемой ими при реализации права на неприкосновенность. При этом мы выделили три группы субъектов исследуемого права:

1) субъекты, наделенные полномочиями ограничивать право на неприкосновенность частной жизни, а также обязанностью обеспечения правовых гарантий защиты исследуемого права. Сюда относятся полномочия суда (ст. 29 УПК РФ), а также должностных лиц со стороны обвинения: прокурора (ст. 37 УПК РФ), следователя (ст. 38 УПК РФ), начальника следственного отдела (ст. 39 УПК РФ), органа дознания (ст. 40 УПК РФ), дознавателя (ст. 41 УПК РФ);

2) субъекты, право которых на неприкосновенность частной жизни может быть ограничено в процессе производства по делу: подозреваемый (ст. 46 УПК РФ), обвиняемый (ст. 47 УПК РФ), гражданский ответчик (ст. 54), потерпевший (ст. 42 УПК РФ), частный обвинитель (ст. 43 УПК РФ), гражданский истец (ст. 44 УПК РФ), свидетель (ст. 56 УПК РФ). Данные субъекты, с одной стороны, подвергаются ограничениям частной неприкосновенности, с другой стороны, их права являются объектом защиты;

3) субъекты, не обладающие полномочиями ограничения прав других субъектов уголовного процесса, однако в силу своего участия вторгающиеся в сферу частной жизни других лиц: защитник (ст. 49 УПК РФ), эксперт (ст. 57 УПК РФ), специалист (ст. 58 УПК РФ), переводчик (ст. 59 УПК РФ), понятой (ст. 60 УПК РФ). Как правило, этим субъектам вменяется в

обязанность соблюдения тайны следствия, а также, в ряде случаев, – профессиональной тайны (адвокатской, врачебной и др.).

7. Полагаем, что в тех случаях, когда Конституцией РФ и УПК РФ установлен особый порядок принятия процессуального решения – рассмотрение его судом, требования к основаниям для принятия такого решения должны быть указаны в законе. В частности, мы полагаем, что к таким требованиям должны относиться следующие:

1) четкое указание в ходатайстве следователя к суду на то, какие именно факты требуется установить при принятии такого решения либо какие негативные последствия данное решение должно предотвратить (в случае применения мер процессуального принуждения);

2) наличие в материалах уголовного дела допустимых доказательств необходимости принятия такого решения;

3) в случае судебного рассмотрения ходатайства о производстве следственного действия – относимость предполагаемой доказательственной информации, устанавливаемая в порядке ст. 88 УПК РФ.

8. Статья 164 УПК РФ не содержит достаточных гарантий неразглашения участниками следственных действий ставших им известными сведений о частной жизни других лиц. В целях защиты сведений о частной жизни участников следственных действий предлагаем дополнить ст. 164 УПК РФ частью следующего содержания:

«4.1. Следователь принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при производстве следственных действий обстоятельства частной жизни участвующих в них и иных лиц, их личная и (или) семейная тайна, а также предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения этих сведений без разрешения заинтересованных лиц и об ответственности в соответствии со статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации».

9. В связи с непоследовательностью законодателя при введении запрета на применение фото-, кино- и видеосъемки при производстве следственных действий, сопровождающихся обнажением лица, без его согласия (в УПК РФ такая норма предусмотрена только для освидетельствования) дополнить ч. 6 ст. 164 УПК РФ следующим образом:

«6. При производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Применяемые технические средства и способы должны отвечать требованиям безопасности для жизни и здоровья участников следственного действия. Фотографирование, видеозапись и киносъемка в случаях, сопровождающихся обнажением участника следственного действия, проводятся только с письменного согласия этого лица».

10. В связи с тем, что институт понятых существенно ограничивает право участников следственных действий на неприкосновенность частной жизни, не выполняя при этом возложенных на него функций по защите достоверности доказательственной информации, предлагаем изменить его следующим образом. Изменить часть 7 ст. 164 УПК РФ, а также дополнить ее частью 7.1. следующего содержания:

«7. Следователь вправе привлечь к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, а также понятых, о чем делается соответствующая отметка в протоколе.

7.1. Лицо, в отношении которого производится следственное действие, вправе ходатайствовать о привлечении к участию следственного действия защитника, а также понятых в порядке ст. 170 настоящего Кодекса. В том случае, если следственное действие проводится в отношении обвиняемого (подозреваемого), участие защитника в следственном действии обязательно».

Статью 170 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«1. По решению следователя или ходатайству лица, в отношении которого производится следственное действие, в нем может участвовать не менее 2 понятых, которые вызываются для удостоверения факта производства следственного действия, его хода и результатов, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей настоящей статьи.

2. Перед началом следственного действия следователь в соответствии с частью пятой статьи 164 настоящего Кодекса разъясняет понятым цель следственного действия, их права и ответственность, предусмотренные статьей 60 настоящего Кодекса.

3. В случаях, если у лица, в отношении которого производятся следственные действия, есть возражения по поводу участия одного из понятых, он может ходатайствовать об его отводе, о чем делается пометка в протоколе следственного действия. Ходатайство заявляется до начала следственного действия и подлежит немедленному рассмотрению.

4. Ходатайство лица, в отношении которого производится следственное действие, об участии в нем понятых может быть отклонено в случаях, если следственное действие производится в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, о чем в протоколе следственного действия делается соответствующая запись. В случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов. Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись».

11. Ввиду имеющихся нарушений законодательства порядок осуществления прокурорского надзора при задержании должен быть регламентирован более детально. В этой связи мы предлагаем изменить редакцию ч. 3 ст. 92 УПК РФ:

«3. О произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде немедленно после составления протокола задержания. В случае невозможности немедленного уведомления прокурора, он должен быть уведомлен не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого».

Дополнить ст. 92 УПК РФ частью 5, изложив ее в следующей редакции:

«5. По получении уведомления органа дознания о задержании подозреваемого прокурор знакомится с материалами уголовного дела в целях проверки оснований и мотивов задержания. При необходимости прокурор допрашивает подозреваемого в порядке ч. 3 статьи 92 настоящего Кодекса».

12. В качестве основных гарантий законности заключения под стражу ст. 108 УПК РФ выделяет прокурорский надзор, не регламентируя при этом порядка осуществления такого надзора. В этой связи мы полагаем, что ч. 3 ст. 108 УПК РФ должна быть дополнена следующим образом:

«3. При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство. Прокурор при решении вопроса о ходатайстве перед судом избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу обязан убедиться в наличии доказательств виновности этого лица, а также в наличии оснований, предусмотренных ст. 97 и ч. 1 ст. 108 настоящего Кодекса.

В постановлении о возбуждении ходатайства излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства. Если ходатайство возбуждается в отношении подозреваемого, задержанного в порядке, установленном статьями 91 и 92 настоящего Кодекса, то постановление и

указанные материалы должны быть представлены судье не позднее, чем за 8 часов до истечения срока задержания».

13. Дальнейшее развитие уголовного судопроизводства видится нам в совершенствовании процедур судебного контроля, а также в более четкой регламентации процедур прокурорского надзора за производством отдельных следственных действий и мер процессуального принуждения. Существенный интерес при этом представляет введение должности следственного судьи, в обязанности которого вменялся бы контроль за процессуальными действиями на стадии досудебного производства.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Положения, сформулированные в диссертации, могут использоваться в преподавании курса уголовного процесса и соответствующих спецкурсов для студентов юридических учебных заведений, а также слушателей различных курсов и форм повышения квалификации практических работников.

Содержащиеся в работе теоретические выводы могут быть использованы для дальнейшего научного исследования проблем реализации принципа неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве. Эти выводы, а также сформулированные в диссертации предложения и рекомендации могут способствовать правильному уяснению соответствующих положений нового УПК РФ, при необходимости – применяться для их совершенствования, а также для осуществления практической деятельности по расследованию уголовных дел.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение:

- в 7 научных публикациях автора;
- в сообщениях и докладах на научно-практических конференциях студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых Московского государственного университета приборостроения и информатики и Московского института права (2003-2006 г.г.);

– материалы диссертации неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры «Уголовное право, процесс и криминалистика» Московского государственного университета приборостроения и информатики;

– выводы и предложения диссертанта внедрены в учебный процесс Московского государственного университета приборостроения и информатики, Московского института права и других вузов России, практику правоприменительных органов.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения, списка литературы и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении обосновывается новизна и актуальность темы диссертации, излагаются цели и задачи исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, показывается научная и практическая значимость работы, апробация результатов исследования.

Первая глава «Становление конституционного принципа неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве» посвящена исследованию теоретических аспектов конституционного принципа неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве, и состоит из 3 параграфов.

В первом параграфе «Понятие и сущность конституционного права на неприкосновенность частной жизни» рассматриваются проблемы понятия «неприкосновенность частной жизни», а также конституционно-правовое содержание права на неприкосновенность частной жизни.

Анализ конституционного права на неприкосновенность частной жизни позволяет отметить, что в том виде, в котором он известен в международном праве, этот принцип закреплен в законодательстве

Российской Федерации сравнительно недавно. Этим объясняется и отсутствие разработанного понятийного аппарата исследования. Причем проблема понятия частной жизни и ее неприкосновенности затрагивает не только отечественное законодательство, но и теоретическую литературу.

В этой связи значительная часть данного параграфа посвящена уточнению содержания применяемых в последующих частях работы юридических терминов. Результатом исследования стала разработка определения следующих дефиниций:

1. Частная жизнь – не подконтрольная государству и обществу жизнедеятельность индивида в сфере семейных, бытовых, личных, интимных отношений, затрагивающая интересы его самого и (или) ограниченного круга лиц; информация об этой жизнедеятельности, а также свобода в полной мере пользоваться совокупностью всех прав и благ, предоставляемых индивиду государством (обществом), не нарушая при этом прав других лиц.

2 Неприкосновенность частной жизни – элемент неприкосновенности как части правового статуса личности (наряду с неприкосновенностью личности и жилища), обеспечивающий гарантированную государством защиту сферы частной жизни от незаконного и произвольного вмешательства со стороны государства и третьих лиц.

3. Тайна частной жизни – информация о частной жизни лица, неприкосновенность или ограниченность доступа к которой устанавливается и охраняется законом.

Особое внимание в данной части исследования уделено сущности права на неприкосновенность частной жизни. Учитывая многогранность данной дефиниции, мы отказались от традиционного подхода к определению данного понятия. В этой связи сущность права на неприкосновенность частной жизни рассматривается нами в трех аспектах:

1) как конституционный принцип, устанавливающий запрет на незаконное (не установленное законом) или произвольное (необоснованное)

вмешательство в сферу частной жизни граждан, и являющийся общим при конструировании норм Конституции РФ, касающихся всех прав и свобод человека и гражданина;

2) как личное, естественное, неотъемлемое и неотчуждаемое право лица на: свободу поведения, передвижения, общения, уединения; личную и семейную тайну; защиту своей чести и доброго имени; на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; профессиональную тайну; на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы; на неприкосновенность жилища;

3) как правовой институт, представляющий собой комплекс норм различных отраслей права, регулирующих качественно особый вид конституционно-правовых отношений между личностью, с одной стороны, государством и обществом в виде должностных либо третьих лиц, с другой стороны, в сфере обеспечения неприкосновенности частной жизни лица.

Ретроспективное исследование отражения права на неприкосновенность частной жизни в уголовно-процессуальном законодательстве, проведенное во **втором параграфе** «Становление принципа неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве России», позволяет отметить следующее.

Понимание необходимости особой охраны сведений, составляющих, в современном толковании, предмет частной жизни, и не подлежащих широкой огласке, имело место уже во время существования самой ранней – обвинительной формы уголовного процесса, о чем свидетельствуют первые правовые памятники России (Русская Правда, XII в.; Псковская Судная грамота, XV в. и др.). Дальнейшее развитие принципа неприкосновенности частной жизни связано с формированием в XVII – XVIII вв. органов предварительного следствия и перехода к розыскной (инквизиционной)

форме уголовного процесса. Этот период характеризуется неоднозначным отношением к частной жизни граждан.

Государственный статус право на неприкосновенность частной жизни приобрело с введением в действие Уголовного Уложения 1903 г., Государство признавало право частной жизни через признание права каждого гражданина на тайну церковных обрядов (тайна исповеди), личную и семейную тайну, служебную (прежде всего, адвокатскую) тайну, свидетельский иммунитет.

Особенностью советского периода становления данного права можно назвать его динамичность и декларативность. Если в первых законодательных актах Советской власти (Конституция РСФСР 1918, 1925 гг., УПК РСФСР 1922 г.) не только не упоминается о частной жизни, но и исчезают ее общепризнанные еще в средние века институты (неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свидетельский иммунитет). Однако уже в Конституции СССР 1936 г. были закреплены нормы о неприкосновенности личности (ст. 127), жилища, тайне переписки (ст. 128), что нашло свое отражения в очередных поправках к УПК РСФСР. Уже в ст. 12 УПК РСФСР 1960 г. это право было существенно расширено за счет декларирования права граждан на неприкосновенность жилища, тайну личной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, в последующем закрепленного и в Конституции СССР 1977 г. Тем не менее, данные принципы во многом оставались декларативными.

В действующем варианте конституционное право на неприкосновенность частной жизни сформировалось недавно, до принятия Конституции РФ законодательство России защищало лишь отдельные его элементы.

В третьем параграфе первой главы «Неприкосновенность частной жизни как принцип уголовного судопроизводства» проанализировано соответствие содержания конституционного принципа неприкосновенности

частной жизни выделяемым в литературе признакам принципов уголовного судопроизводства, рассмотрено его место в системе принципов уголовного процесса, а также выделены недостатки законодательного закрепления.

Исследование принципа неприкосновенности частной жизни в системе принципов уголовного процесса показало, что в действующем УПК РФ данный принцип не закреплен, не смотря на то, что он соответствует всем требованиям, предъявляемым к принципам уголовного процесса. В этой связи мы полагаем, что принцип неприкосновенности частной жизни должен быть закреплен в главе 2 УПК РФ в виде самостоятельной статьи.

Полагаем, что включение в текст уголовно-процессуального закона данной статьи позволит привести УПК РФ в соответствие с требованиями и нормами Международного права и Конституции России об охране неприкосновенности частной жизни, охране личной и семейной тайны.

В ходе исследования норм УПК РФ выяснилось, что принцип неприкосновенности частной жизни в уголовном судопроизводстве тесно связан с допустимостью его законного ограничения при производстве следственных и иных процессуальных действий.

Поскольку именно допустимость законного ограничения данного права определяет характер и объем прав участников уголовного процесса, в этой части исследования также предложено понятие законного ограничения права на неприкосновенность частной жизни в уголовном судопроизводстве.

Под законным ограничением права на неприкосновенность частной жизни мы предлагаем понимать осуществляемое в соответствии с предусмотренными уголовно - процессуальном законодательством основаниями и в установленном законом порядке сужение объема прав участников уголовного процесса в той мере, в какой это необходимо в целях разрешения уголовного дела.

Вторая глава «Процессуально-правовые средства обеспечения принципа неприкосновенности частной жизни в процессе досудебного

производства» посвящена изучению механизмов реализации конституционного принципа неприкосновенности частной жизни в уголовно-процессуальном законодательстве на стадии досудебного производства. Она также содержит три параграфа.

Первый параграф «Обеспечение права на неприкосновенность частной жизни при производстве следственных действий» позволяет сделать вывод, что наибольшее количество пробелов уголовно-процессуального законодательства в сфере охраны частной жизни граждан обнаруживается при изучении порядка производства следственных действий.

Причем этот вопрос, на наш взгляд, освещается в юридической литературе достаточно слабо. В частности, при анализе литературных источников по вопросу реализации конституционного права на неприкосновенность частной жизни при производстве следственных действий выявлен существенный недостаток – отсутствие систематизации указанных норм.

Изучение уголовно-процессуального законодательства, литературной базы, практики расследования уголовных дел, мнений работников органов дознания и прокуратуры позволило нам выявить следующие недостатки в исследуемой сфере:

1. Статья 164 УПК РФ не содержит достаточных гарантий неразглашения участниками следственных действий ставших им известными сведений о частной жизни других лиц, а требование неразглашения, устанавливаемое данной статьей, защищает лишь данные предварительного расследования (ч. 1 ст. 161 УПК РФ), упуская значительную часть сведений из сферы частной жизни.

2. Нечеткость формулировки ч. 4 ст. 164 УПК РФ, в которой указано, что при производстве следственных действий «недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер», поскольку она оставляет понятие «иных мер» на усмотрение следователя.

3. Непоследовательность законодателя при введении запрета на применение фото-, кино- и видеосъемки при производстве следственных действий, сопровождающихся обнажением лица, без его согласия, предусмотренного в УПК РФ только для освидетельствования.

4. Существенные недостатки уголовно-процессуального законодательства при регулировании участия в следственных действиях понятых, в значительной мере нарушающие право граждан на неприкосновенность частной жизни.

5. Несоответствие перечня следственных действий, требующих судебного разрешения (ч. 2 ст. 164 УПК РФ, ч. 1 ст. 165 УПК РФ), статье 25 Конституции РФ, устанавливающей неприкосновенность жилища.

6. В ст. 182 УПК РФ четко не указано, какие именно предметы могут быть изъяты при производстве обыска. Такой подход существенно нарушает процессуальные права граждан.

В целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства при производстве следственных действий нами были выдвинуты изложенные в положениях, выносимых на защиту, предложения.

К другим процессуальным действиям, серьезно нарушающим право граждан на неприкосновенность частной жизни в ходе уголовного судопроизводства, отнесено применение мер процессуального принуждения, рассмотренное во **втором параграфе** «Защита неприкосновенности частной жизни при применении мер процессуального принуждения».

Мы склонны разделить мнение авторов, которые рассматривают меры процессуального принуждения не как санкции, применяемые к участникам уголовного судопроизводства, а как превентивные меры, призванные не допустить дальнейшего нарушений их процессуальных обязанностей.

Рассмотрев проблемные аспекты обеспечения права на неприкосновенность частной жизни при применении мер уголовно-процессуального принуждения, мы выяснили, что наибольшее количество

следственных и судебных ошибок практические работники допускают при применении таких мер процессуального принуждения, как задержание и заключение под стражу, – и часть ошибок обусловлена недостатками действующего законодательства.

В рамках данной части исследования выделены следующие недостатки действующего законодательства при задержании подозреваемого:

1. Требования норм УПК РФ и анализ юридической литературы позволяют сделать вывод, что задержание, чтобы быть законным, должно быть не только обоснованным (ч. 1 ст. 91 УПК РФ), но и мотивированным (ст. 92 УПК РФ), в то время как в ст. 91 УПК РФ исчерпывающий перечень мотивов задержания отсутствует.

2. Статья 92 УПК РФ, устанавливая прокурорский надзор за законностью задержания подозреваемого, в то же время не регламентирует ни процедуру такого надзора, ни обязанности прокурора по его осуществлению, что существенно снижает правозащитную функцию данной процедуры.

В связи с выраженным правоограничительным характером, мы предлагаем законодательно закрепить не только основания, но и мотивы задержания подозреваемого. В частности, мы предлагаем дополнить ст. 91 УПК РФ частью 2 следующего содержания:

«2. Задержание допускается при наличии достаточных данных полагать, что подозреваемый может:

- 1) скрыться от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) угрожать потерпевшему, свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, их родственникам или близким лицам;
- 4) уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

Часть 2 ст. 91 УПК РФ считать частью 3.

Ввиду имеющихся нарушений законодательства порядок осуществления прокурорского надзора при задержании должен быть регламентирован более детально. В этой связи мы предлагаем:

1. В целях сохранения логики изложения поменять местами части 3 и 4 ст. 92 УПК РФ.

2. Изменить редакцию ч. 3 ст. 92 УПК РФ (в предлагаемом варианте – ч. 4 ст. 92 УПК РФ):

«4. О произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде немедленно после составления протокола задержания. В случае невозможности немедленного уведомления прокурора, он должен быть уведомлен не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого».

3. Дополнить ст. 92 УПК РФ частью 5, изложив ее в следующей редакции:

«5. По получении уведомления органа дознания о задержании подозреваемого прокурор знакомится с материалами уголовного дела в целях проверки оснований и мотивов задержания. При необходимости прокурор допрашивает подозреваемого в порядке ч. 3 статьи 92 настоящего Кодекса».

В качестве основных гарантий законности заключения под стражу ст. 108 УПК РФ выделяет прокурорский надзор, не регламентирую при этом порядок осуществления этого надзора. В этой связи мы полагаем, что ч. 3 ст. 108 УПК РФ должна быть дополнена следующим образом:

«3. При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство. Прокурор при решении вопроса о ходатайстве перед судом избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу обязан убедиться в наличии доказательств виновности этого лица, а также в наличии оснований, предусмотренных ст. 97 и ч. 1 ст. 108 настоящего Кодекса.

В постановлении о возбуждении ходатайства излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства. Если ходатайство возбуждается в отношении подозреваемого, задержанного в порядке, установленном статьями 91 и 92 настоящего Кодекса, то постановление и указанные материалы должны быть представлены судье не позднее, чем за 8 часов до истечения срока задержания».

Важными гарантиями реализации права на неприкосновенность частной жизни на стадии досудебного производства являются судебный контроль и прокурорский надзор, рассмотренный в **третьем параграфе** «Судебный контроль на стадии предварительного расследования».

В этой связи в литературе активно обсуждается вопрос: необходимо ли сохранение двойного контроля, или же принятие решений, существенно нарушающих права граждан, нуждается в упрощении с сохранением одной из форм контроля – ведомственной или судебной.

Полагаем, что в связи с молодостью и недостаточной сформированностью института судебного контроля на стадии досудебного производства и отсутствием отработанных процедур сохранение двойного контроля необходимо. С одной стороны, суд, ведомственно не заинтересованный орган, обеспечивает непредвзятость при назначении правоограничивающих процессуальных решений. С другой стороны, прокурор, обладая широким кругом полномочий на досудебных стадиях уголовного процесса, способен реализовать меры по текущему контролю за законностью и обоснованностью производства правоограничивающих мероприятий.

Третья глава «Защита неприкосновенности частной жизни в судебном производстве» посвящена проблемам реализации неприкосновенности

частной жизни на судебной стадии уголовного процесса. Акцент сделан на основном противоречии в исследуемой сфере: соотношению принципа гласности судебного разбирательства и принципа неприкосновенности частной жизни, частично выражающегося в ограничении доступа к информации о ней.

Одной из наиболее важных гарантий на данном этапе уголовного процесса, безусловно, выступает институт закрытого судебного разбирательства. Следует отметить, что именно он является основным предметом дискуссий в исследуемой сфере.

Отвечая на замечания авторов, выступающих против закрытого судебного разбирательства, отметим, что необходимость ограничения гласности в ряде случаев может выступить единственным надежным гарантом защиты тайны частной жизни, чести и достоинства личности. Не вызывает сомнения тот факт, что гласное разбирательство по делам, по которым необходимо изучить обстоятельства частной жизни какого-либо лица, во многих случаях может не только не облегчить, но и значительно затруднить задачу по установлению реальных фактов. Возможность ограничений гласности судебного разбирательства по соображениям защиты неприкосновенности частной жизни предусмотрена и международными нормативными актами.

К сожалению, данный правовой институт регламентируется в УПК РФ недостаточно. Ему посвящена лишь одна норма – ч. 2 ст. 241 УПК РФ. Причем в ее содержании также выявляются пробелы. К основным из них мы относим ничем неоправданное ограничение оснований для назначения этого разбирательства сведениями об интимной стороне жизни, в то время как сфера информации о частной жизни, затрагивающей честь, достоинство, доброе имя, репутацию граждан существенно шире.

В этой связи мы предлагаем п. 3 ч. 2 ст. 241 УПК РФ заменить п.п. 3 и 3.1, изложив их в следующей редакции:

«3) рассмотрение уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности;

3.1) рассмотрение уголовных дел может привести к разглашению сведений о частной жизни участников уголовного судопроизводства, унижающих честь и достоинство личности, порочащих доброе имя и репутацию, могущих причинить моральные страдания».

В **заключении** подведены основные итоги исследования, сделаны обобщенные выводы по основным положениям диссертации, а также сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся регламентации объекта диссертационного исследования.

Завершает диссертационную работу список литературы и приложения.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

**Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации**

1. Островский А.С. Реализация конституционного принципа неприкосновенности частной жизни при производстве следственных действий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.– Нижний Новгород, 2006. – Серия право. - Вып. 2 (10): Уголовное судопроизводство в теории, законодательстве и конкретных жизненных ситуациях. – С. 132 - 134. (0,4 п.л.).

2. Островский А.С. Реализация конституционного принципа неприкосновенности частной жизни при производстве следственных действий // Безопасность Евразии. - Москва, 2006. - № 4 (26) (октябрь-декабрь). – (0,4 п.л.).

Статьи, опубликованные в научно-практических изданиях

3. Островский А.С. Содержание права на неприкосновенность частной жизни // Современная научная мысль и ее роль в профессиональном

становлении юриста, экономиста, психолога: материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции 20 апреля 2004 года. Московский институт права. – Москва, 2004.- С. 34 - 38. (0,3 п.л.).

4. Островский А.С. Содержание права на неприкосновенность частной жизни // Информационный бюллетень № 17. Московская государственная академия приборостроения и информатики. Кафедра «Юриспруденция». – Москва, 2004. – С. 8 - 13. (0,4 п.л.).

5. Островский А.С. Действие конституционного принципа неприкосновенности частной жизни при применении отдельных мер пресечения // Экономика, право, логистика: межвузовский научно-практический сборник. Объединенная академия образовательных учреждений. – Москва, 2005. – Вып. 3. - С. 115 - 118. (0,2 п.л.).

6. Островский А.С. Неприкосновенность частной жизни в современном уголовном процессе // Активизация деятельности студентов в сфере учебной, научной и общественной жизни образовательного учреждения: материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции 27 апреля 2006 года. Московский институт права. – Москва, 2006. – С. 109 - 114. (0,5 п.л.).

7. Островский А.С. Соотношение конституционного принципа неприкосновенности частной жизни с принципами уголовного судопроизводства // Информационный бюллетень № 23. Московский государственный университет приборостроения и информатики. Кафедра «Уголовное право, процесс и криминалистика». – Москва, 2006. – С. 17 - 22. (0,6 п.л.).